

О.И. ЖУРБА, Т.Ф. ЛИТВИНОВА

**ГЕТМАНЩИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX в. ЧАСТЬ 1**

В центре внимания эволюция представлений интеллектуальной элиты Левобережной Украины об особенностях статуса, социально-политического строя специфической области Российской империи, о роли различных социальных групп, прежде всего казачества и шляхты, в её истории и трансформациях рубежа XVIII–XIX вв. Персоналии, оказавшиеся в центре исследования – Григорий и Василий Полетики, Адриан Чепя, Семен Кочубей, Григорий Галаган и др., отражали не только собственные взгляды на прошлое, настоящее и будущее края, но и являлись авторитетными выразителями настроений значительной части местной социальной элиты. Хронологическая разбросанность их высказываний позволяет проследить изменения во взглядах на место края в системе империи (от сохранения модернизированной в духе времени автономной Гетманщины до полной её политико-правовой интеграции), на роль гетманов и казацкой системы в жизни малороссийского общества, а также на возможные механизмы адаптации к новым социокультурным реалиям.

Ключевые слова: Левобережная Украина, Малороссия, Гетманщина, Российская империя, украинское национальное возрождение, идентичности

Роль интеллектуалов в формировании национальной идентичности в раннее Новое время, их связь с имперским проектом традиционно находится среди актуальных проблем изучения европейской истории XVII–XVIII вв. Представляется важным его рассмотрение в сравнительно-исторической перспективе, нацеленной на выявление особенностей восприятия просветительского универсализма и его реализации в отношениях между автономными образованиями и метропольными центрами. Нельзя сказать, что поставленные во время обсуждения проблемы находятся вне поля зрения украинской историографии. Однако империя преимущественно рассматривается с конфронтационных позиций как противостоящая национальным интересам; ей отказано в «имперской правде», т.е. в собственной логике оценки событий и поведения; украинский и имперский проекты понимаются как безальтернативные, статичные и враждебные; империя, не учитывается как значимый участник формирования целого ряда «украинских» национальных проектов¹.

Такая историографическая ситуация связана не только с инерцией и идейными позициями историков, но и с высоким общественным запросом на историческое обоснование самодостаточности современного украинского национального проекта. Как ни странно, но и для украинских историков, не говоря уже об интерпретациях извне, остается актуальным преодоление телеологического взгляда на прошлое Восточной Европы и особенно Российской империи, ориентирующего исследовательскую оптику на откровенное отождествление раннемодерных и ны-

¹ Журба 2019.

нешних реалий, в лучшем случае – на поиски в прошлом истоков современности. Наиболее ярко это прослеживается в выборе пространственного терминологического ряда, когда, игнорируя специфику самоидентификации региональных элит домодерного времени, вместо «малороссов», «слобожан», «киевлян», «волынян», «русинов» и т.д. перед читателем предстают современные «Украина» и «украинцы»². За последние годы вышло несколько значимых исследований, посвященных национальным идентичностям XVI – первой половины XIX в.³, где метрополия и периферия выступают как равноправные игроки, активно взаимодействуя друг с другом, но, к сожалению, это не привело к заметному изменению историографической ситуации в целом и к пониманию плодотворности подходов в духе «новой имперской истории».

Испытывая острую потребность разорвать герметичность представлений об отечественном прошлом, вписать его в европейский контекст, украинская историография уже неоднократно использовала сравнение судеб Шотландии и Украины, их места и роли в процессе формирования империй. Этому вопросу даже был посвящён отдельный сборник, с авторитетным представительством украинских и зарубежных специалистов (Д. Ливен, А. Миллер, С. Величенко, Я. Дашкевич, Р. Шпорлюк)⁴. Правда, относительно возможности сопоставления этих «провинций» диспутанты расходились в диапазоне от полного отрицания перспективности такого подхода до утверждения необходимости выявления общего и особенного. Однако и тут дискуссия велась в основном с украиноцентричных позиций. Не вдаваясь в детали, заметим, что потенциал сравнительного подхода не определяется полной тождественностью объектов, а нацелен на выявление специфик однопипных процессов. И в этой связи важно, что при выстраивании имперских структур и идеологий на противоположных концах Европы, у Шотландии и Украины были различные «стартовые позиции». Но главное, что, в отличие от Шотландии, Украина долгое время находилась в поисках своего имени и территории, самосознания и ориентации на возможную метрополию. В случае же с Российской империей её объединяла религиозная и этническая близость, а осознание своего исторического первородства вплоть до середины XIX в. обеспечивало отсутствие у местной элиты комплекса провинциальной неполноценности.

Относительно XVII – начала XX в. говорить об Украине как о территориальной, политической, этнической, религиозной общности некорректно из-за отсутствия политической субъектности, провинциального статуса «украинских» ареалов в составе ряда метрополий, специфики их внутренней и внешней идентификации. Проблемность районирования «исторического» украинского пространства вызвана традиционно высокой степенью нестабильности административно-политической, демогра-

² Журба 2003.

³ Яковенко; Когут; Плохий; Литвинова 2019; Імперські ідентичності 2020.

⁴ Схід-Захід 2001.

фической, культурно-религиозной, геополитической, социально-хозяйственной, наконец, языковой ситуации на этнических украинских землях. Относительно стабильными в обозримом времени оставались разве что климат и ландшафты. Поэтому административные границы «Новороссии» середины XVIII в. значительно отличались от её контуров середины XIX в., под «Малороссией» понимали совсем не одни и те же просторы во второй половине XVII, в XVIII и в XIX в., границы «Украины» определяли совершенно по-разному в XVIII, в середине и в начале XX в. В течение этого времени колоссальные миграционные процессы срывали с мест сотни тысяч людей, которые переносили на новые территории, помимо имущества и производственных навыков, свои исторические представления и способы самоидентификации. Все это не могло не сказаться на формировании очень эластичного и изменчивого понятийного аппарата, когда, например, термины «малоросс» и «Малороссия» даже в текстах одного и того же автора могли ситуативно наполняться разным содержанием. Кроме того, доминирование того или иного идентификационного маркера (например, «Украина» как пространство единой этно-национальной общности, закрепившееся в текстах кирилло-мефодиевцев в середине XIX в.) не означало полного вытеснения старых («Украина» как казачий ареал до середины XVII в., или южные, степные территории Гетманщины второй половины XVIII в., или пространство слободских полков в конце XVII – XVIII в., или как Слободско-Украинская губерния в конце XVIII – начале XIX в.). Это ставит перед исследователем сложные вопросы понимания контекстов и смыслов. Поэтому представление о «Малороссии» с середины XVII и до начала XX в. прошли глубокую, драматическую и далеко не линейную эволюцию⁵, конкурируя не только с другими понятиями, но и с самим собой.

В рамках второй половины XVIII – первой половины XIX в. мы имеем дело, как минимум, с двумя «Малороссиями». Генетически первая (Малороссия или Гетманщина) – с середины XVII до 1780-х гг. казачья территориальная автономия. С конца XVIII – в первой половине XIX в. за этими территориями термин «Малороссия» закрепился в названиях административных образований Российской империи. Их границы, включавшие Полтавскую и Черниговскую губернии, в целом совпадали с исторической Гетманщиной. Именно этот регион получил сконструированный в украинской историографии термин «Левобережная Украина» или «Левобережье». С середины XIX в. «Малороссия» приобрела новый, значительно более широкий смысл. Этот регион, преимущественно населенный малороссийским этносом, определяется, как «Новая Малороссия», в отличие от «Старой», под которой историки второй половины XIX – начала XX в. (А. Лазаревский, Д. Миллер и др.) понимали исключительно Гетманщину. Приобретенная неоднозначность понятия вызвала к жизни термины: «бывшая Гетманщина» – для обозначения исторической территории старой Малороссии и «Украина»

⁵ Котенко 2012; Яковенко 2012.

– для маркировки того же этнического пространства, но исключаемого из имперской идентичности, истории и перспектив.

Кроме того, проблема «метрополия и Украина» не ограничивается Российской империей. Специфика исторических судеб украинских регионов обусловила разнонаправленную динамику отношений к «империи» и «имперскому». И если в работах Н.Н. Яковенко и её учеников в целом преодолён оформленный еще в казацком историописании образ ляха-врага и утвердился «нормальный» образ Речи Посполитой XVI–XVII вв., то, как иронично заметил Г.В. Касьянов, «националистический нарратив вполне может сочетаться с имперским: свидетельством тому может быть несколько опереточный культ эпохи Франца-Иосифа II и гламура габсбургского периода в Галичине»⁶. Что же касается Российской империи, то с вызреванием в конце XIX–XX в. украинского национального проекта её в целом «позитивному» имиджу был нанесен существенный урон, в том числе усилиями историков.

Определяя хронологические рамки статьи, мы исходили из понимания того, что это был период трансформации регионального административно-территориального патриотизма местных элит, легитимированного в случае с Малороссией договорами подданства российскому самодержцу, в сторону вызревания этно-национального самосознания, существенно расширяющего представления о границах Старой Малороссии и её взаимоотношениях с империей. Это время глубокой внутренней борьбы, выработки идеологии, стратегии и тактики в вопросе о месте региона в имперской системе. В зависимости от этого складывался и изменялся образ своей Отчизны, представления о её статусе и границах, о роли различных социальных групп в её истории.

К сожалению, рамки статьи не позволяют охватить проблему во всей полноте и сложности, а потому в центре внимания прежде всего оказались персонажи, которые представляли не только собственные воззрения на прошлое, настоящее и будущее края, но и являлись авторитетными выразителями коллективных настроений элиты.

В интеллектуальной истории Украины особое место принадлежит Григорию Андреевичу Полетике (1725–1784), интерес к которому проявляют не только украинские, но и зарубежные авторы⁷, что делает излишним обращение к подробностям его биографии. Мы не будем здесь вступать в дискуссию относительно маркировки воззрений Г.А. Полетики (традиционалист, консерватор, шляхетский публицист, прогрессивный консерватор и т.п.), что заслуживает отдельного, более тонкого разбора. Важно, что этот европейски образованный богатый малороссийский помещик, хорошо вписанный еще с 1740-х гг. в столичную среду, в 1760-е гг. сформулировал и представил перед верховной властью коллективный взгляд элиты на статус Гетманщины и её место в «импер-

⁶ Касьянов 2019: 31.

⁷ Литвинова; Когут; Руднев; Лазарев; Melnik, Tairova-Yakovleva.

ском проекте», закладывая основы формирования образа Отчизны, воспринятого последующими поколениями. Это позволяет еще раз взглянуть на проблему взаимодействия «имперского» и «национального / провинциального», разрывов в «нациестроительстве», «интеграции / инкорпорации» украинской элиты в систему империи, что несколько упрощенно представляется в современной историографии.

Впервые в такой роли Г.А. Полетике довелось выступить в 1763 г. на т.н. Глуховском съезде (раде). По мнению первого и одного из лучших историков данного события Д.П. Миллера, произнесенная им речь «О поправлении состояния Малороссии» «послужила... программой будущих действий» собрания⁸. Её результатом стало «Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году»⁹ и коренная реформа действующих в крае судебных порядков.

Значение Глуховского съезда в жизни общества и единодушие, царившее в этом довольно многочисленном собрании, неоднократно отмечалось в литературе. Оно наглядно продемонстрировало, что к 1760-м гг. в Малороссии сложилась собственная элита, понимавшая необходимость реформирования всех сторон жизни края. Анализ Д.П. Миллером списков присутствовавших на съезде представителей полков и сотен дал возможность утверждать, что «участники... – если не все, то большинство, – были люди интеллигентные. Полковники и полковая старшина пеклись в то время почти исключительно из лиц штудированных; о бунчуковых товарищах, этом в своем роде «знатном» малороссийском дворянстве, уже и говорить нечего, даже сотники – и те были выбраны из числа “надежнейших”, то есть таких, которые имели достаточное понятие о силе и важности прав малороссийских. ...Многие из них, кроме того, хорошо знали историю своей родины»¹⁰. Поэтому высказанные Г. Полетикой в «Речи» рассуждения о причинах упадка отечества и его призыв отложить «все пристрастия и партикулярные пользы», подумать «об восстановлении прежних порядков и благосостояния» попали на благоприятную почву и были, по мнению Д.П. Миллера, выражением всеобщего единодушия собрания¹¹.

Сравнения «Речи» и «Прошения» к императрице дает основания утверждать, что Григорий Андреевич был непосредственным участником составления петиции или даже одним из ее авторов, что подтверждает не только тождественность идей, но и речевые обороты, особенно в преамбуле, где изложена полетикинская концепция истории Украины, взаимоотношений ее с Польшей, Россией, с опорой на традиционный для Полетики набор актовых материалов. Основная часть петиции является, по сути, лишь развернутой программой преобразований, сформу-

⁸ Миллер 1896: 109.

⁹ Прошение 1764 г.: 317–345.

¹⁰ Миллер 1896: 103.

¹¹ Там же: 106.

лированной в «Речи». Высказанные оратором предложения о реформировании законодательства, казацкого войска, о развитии торговли, восстановлении сеймов, трибунала, генеральной рады, земских и гродских судов, требования возвращения земель, отошедших под поселения иностранцев, раскольников, слободские полки, укрепленную линию и другие нашли отражение в «Прошении» практически в том же виде, в каком они изложены в «Речи» Полетики. Интересно, что в № 19 «О учреждении университетов, гимназий, топографий» находим часто упоминаемых и в более ранних текстах Полетики П. Конашевича-Сагайдачного и Петра Могилу как деятелей, способствовавших распространению просвещения. Положение о типографиях не нашло места в «Речи», но очевидно в «Прошении» появилось под влиянием Полетики, давно специально занимавшегося историей книгопечатания в Российской империи.

Представление Полетики о том, что нарушение прав и привилегий какого-либо одного из сословий ведет к нарушению прав остальных и отечества в целом отразилось в просьбе Глуховского собрания подтвердить «права... малороссийскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мещанству и всему народу»¹². Отстаивая, таким образом, интересы не только элиты, но и всего общества, «Прошение» как бы напоминало, что Малороссия – отдельное экономическое и политическое целое, связанное с Россией лишь личностью монарха. По мнению З. Когуца, эта петиция содержала наиболее автономистические взгляды, не высказывавшиеся так открыто со времен Мазепы¹³. Если оценка З. Когуца и верна, то это сравнение вряд ли корректно, так как ни Мазепа, ни его окружение не пытались сформулировать «автономистические» притязания в рамках российской легитимности.

Итак, в 1760-е гг. элита Левобережной Украины не только созрела для понимания необходимости переустройства всех сторон жизни края, но и была способна сформулировать свою собственную общественно-политическую программу, как бы в противовес той, что осенью 1763 г. была представлена Екатерине II Г. Тепловым, где звучал тот же мотив о реформировании, но с имперских, централизаторских позиций¹⁴.

Не повторяя различные историографические оценки, заметим, что эту программу преобразований можно оценивать по-разному. С точки зрения социально-экономического детерминизма к ней можно отнести как к попытке малороссийской шляхты отстоять свои интересы; с точки зрения культурологической – это проявление специфического менталитета, включавшего в себя элементы разных культурных влияний – русинско-польского шляхетского этоса, идей западноевропейского Просвещения, традиций российско-православного пиетизма перед царской властью; с точки зрения развития украинской национальной идеи – это одна из ярких попыток легитимным путем укрепить государственность;

¹² Прошение 1764 г.: 321.

¹³ Когут 2004: 103.

¹⁴ Василенко 1911: 17–41.

с точки зрения политологической – это одна из имперских программ, отражающих борьбу двух тенденций, присущих любым государственным образованиям (тем более имперского характера), борьбу центростремительного с центробежным; с точки зрения всеобщей истории права – попытка реализации идей естественного права в системе правового волонтаризма. С нашей точки зрения, исследователю интеллектуальной истории необходимо учесть весь спектр возможных подходов, тем самым создавая условия для вписывания изучаемого явления в исторический контекст во всем его многообразии.

Если выработка программы переустройства края зависела от внутренних возможностей общества, то ее реализация натолкнулась на совершенно противоположный взгляд со стороны центральной власти, что привело впоследствии к результатам, вряд ли прогнозируемым идейным вдохновителем Глуховского собрания Г. Полетикой. Но его активное участие в работе съезда, отношение к общественным делам, идейные позиции, уровень обоснования взглядов приобрели широкую известность и, несомненно, способствовали избранию этого петербургского жителя депутатом от шляхетства Лубенского полка в Комиссию по составлению Нового Уложения.

В отличие от коренных русских губерний, где исследователями не отмечены случаи, «когда избрание того или другого депутата определено основывается на соображениях принципиального характера», на Левобережной Украине, которая, по мнению А. Флоровского, пережила критический период своего существования, «был особенно важным вопрос о личности депутата и желании и способности его быть защитником и ходатаем в смысле возможного сохранения всего уклада края от объединительных намерений правительственной власти»¹⁵. В лице Г. Полетики шляхетство нашло последовательного борца за автономные права, проявившего себя в качестве одного из наиболее деятельных депутатов Комиссии. Еще в мае 1768 г. он был избран членом комиссии «для рассмотрения образа сборов и образа расходов», набрав наибольшее количество голосов. А 20 мая этого же года представил огромный фолиант «Права, привилегии, преимущества, вольности и свободы малороссийского шляхетства»¹⁶ – результат многолетнего собирания актовых материалов, начиная с 1433 г. (привилегии и присяги польских королей, статьи конституций, договорные статьи гетманов с российскими монархами, универсалы, разделы Литовского статута, указы и грамоты царей, императоров и императриц).

Но главное – Полетика подверг критическому анализу «Наказ» Малороссийской Коллегии, данный Д. Натальину, таким образом сформулировав свое отношение, имевшее значительное влияние на всю делегацию Гетманщины. Г. Максимович, сравнив данный «Наказ» с «Запиской о усмотренных в Малой России недостатках, об исправлении ко-

¹⁵ Флоровский 1915: 300, 302.

¹⁶ ИР НБУВ. Ф. VIII. № 173. 310 л.

торых в Малороссийской Коллегии трактовать должно» П.А. Румянцев, пришел к выводу о непосредственном участии и влиянии генерал-губернатора при составлении «Наказа»¹⁷. Вместе с тем, Румянцев точно руководствовался «секретным наставлением» Екатерины II, составленным ее статс-секретарем А.В. Олсуфьевым, использовавшим в качестве одного из источников информации «Записку» Г. Теплова, после утверждения императрицей секретно сохранявшуюся в Сенате. Подобные инструкции, по утверждению Т.А. Кругловой, вручались в первую очередь губернаторам окраинных губерний – Архангелогородской, Новгородской, Смоленской, Малороссийской, Новороссийской, Астраханской – и были отражением политики централизации, унификации империи¹⁸. Многие положения «секретной инструкции» и, прежде всего, о поступлении в государственную казну доходов с Левобережной Украины, о непорядках в различных учреждениях, переходах посполитых с места на место, о «ленности» населения «к земледелию и другим полезным трудам», через «Записку» Румянцева попали в «Наказ» Малороссийской Коллегии. Поэтому, выступая против положений Коллегии как ненужных, излишних, несоответствующих ни традициям, ни нравам народа, Г. Полетика, по сути, стал в оппозицию к центральному правительству.

Обращаясь к Екатерине II в конце «Возражения», Полетика подчеркивал, что, представляя «нужды и недостатки наши ...первейшую и самой жизни дражайшую надобность почитаемо сохранение прав, привилегий, преимуществ, вольностей и обыкновений наших и действительное оным пользованием», а предлагаемые Малороссийской Коллегией «средства все принуждены, все насильны, все отяготительны, все несходны ни с состоянием нашего народа, ни с воспитанием, ни с обыкновениями онаго. Ненадобными почтены наши законы, которые, однако, больше многих других с человеколюбием сходствуют; уничтожена наша служба, которого предков Вашего Императорского Величества всегда была приятна и от них многократно похвалена; описан с худой стороны и неприятными красками наш народ, который правами и поведением своим нельзя сказать, чтобы других был хуже; представлены способы к нашему отягощению и, можно сказать, к неминуемому разорению»¹⁹. Полетика был сторонником только таких перемен, которые могли быть оправданы при сохранении национальных традиций. Именно такую позицию, очевидно, привлекательную для большинства малороссийских депутатов, он последовательно представлял в своих речах и записках в Большое собрание.

На заседании 21 августа 1768 г. Г. Полетика выступил с обширными возражениями почти по всем пунктам обсуждаемого «Проекта права благородных»²⁰. С требованием юридической точности он разбирал

¹⁷ Максимович 1896: 299.

¹⁸ Круглова 1989: 47, 54.

¹⁹ Возражение: 53.

²⁰ Полетика 1882.

каждую статью, но особенно интересно его мнение на статью 43. Не соглашаясь с формулировкой: «Никто кроме российских благородных в России сими правами пользоваться не может», Полетика настаивал на сохранении за малороссийским шляхетством, духовенством, мещанами и казаками всех их прав и привилегий. С этим мнением согласились 26 малороссийских депутатов: 8 от шляхетства, 10 от городов, 8 от казаков²¹. Такая поддержка свидетельствует, насколько соответствовало мнению Полетики устремлениям всех депутатов, их представлениям о дальнейшей судьбе отечества и опровергает утверждение об отсутствии в малороссийском обществе XVIII в. патриотизма, стремления не только к национальной, но «даже к провинциальной самобытности»²².

Депутат козелецкого и остерского поветов В. Золотницкий, ссылаясь на представленный Полетикой сборник «Прав, преимуществ, привилегий...», полагал, что действие «Проекта правам благородных» должно распространяться на «великороссийское дворянство, малороссийское же, лифляндское и эстляндское шляхетства... остаются в рассуждении их мест, на прежних своих правах и привилегиях»²³. Схожие мнения были и у других депутатов – Н. Мотониса, В. Дунина-Борковского. Солидарность появилась в дружной поддержке своих депутатов, независимо от того, представителями какого сословия являлись они в Комиссии. Интересно, что в обсуждении 43 статьи проекта, наряду со шляхетскими, принимали участие и казацкие депутаты. Так, депутат от казачества Лубенского полка М. Тимофеев горячо поддержал желание шляхетства относительно изменения редакции 43 статьи, прежде всего, на том основании, «что все... договоры и соглашения во время благоприсоединения М. России к российской империи делаемы были с общаго всех чинов согласия...» и что «сим благополучным единством и до ныне М. Россия утверждалась и управляема была»²⁴.

Обращение к таким репрезентативным, с точки зрения изучения общественного сознания, источникам, как «наказы» и «речи» малороссийских депутатов в Уложенной Комиссии убеждает, что наряду с отстаиванием узко сословных, региональных, «партикулярных» интересов, в них четко прослеживается интегрирующая мысль о необходимости возобновления во всем объеме общественно-политических институтов, закрепленных «договорными статьями» 1654 года. Поэтому, именно общественно-политическое, через которое реализовывалась и этническая самобытность, можно рассматривать в качестве фундамента самосознания малороссов того периода. Даже решение социально-экономических проблем виделось в развязывании общественно-политических – подтверждение «прав, привилегий и обыкновений», сохранение судебного, административного, военного устройства и управления – требова-

²¹ Сборник РИО. 1881. Т. 32: 314–315.

²² Авсеенко 1864: 55; Латкин 1887: 266.

²³ Сборник РИО. 1882. Т. 36: 338.

²⁴ Там же. Т. 32: 317–318.

ния, которые красной нитью проходят через все «наказы», «челобитные», «речи». А так как главными хранителями и трансляторами исторической традиции (во всяком случае, в общественно-политическом плане) были выходцы из казацкой среды, то наиболее рельефно это заметно именно в казацких и шляхетских «наказах» и «речах».

Глубокие социально-экономические противоречия между казачеством и шляхетством, действительно существовавшие в это время, ставят под сомнения возможность их общественно-политического единения. Но на уровне сознания, менталитета они очень близки друг к другу, исторически связаны общностью судьбы, службы, управления, суда, традиционными формами жизни. К тому же ново-шляхетский этос еще только формировался. Активный процесс социальной стратификации общества хотя и осложнял формулирование единой общественно-политической программы, в данный период не помешал консолидации усилий в отстаивании автономии края. Не случайно Г. Полетика помогал в составлении казацких и даже мещанских «наказов».

Тяготение к децентрализации и самобытности, проявленное в Комиссии также представившими свои заявления лифляндскими, эстляндскими и смоленскими депутатами, противоречило намерениям Екатерины II. Поэтому 9 сентября 1768 г. по ее поручению маршал А.И. Бибииков обратился к Большому собранию с речью, в которой объяснил, что «Комиссия о сочинении проекта Нового Уложения на основании XV ст. данного ей обряда, не должна ни в чем другом упражняться кроме того, для чего именно она учреждена, то есть в сочинении сего проекта». Остальное же «зависит единственно от монаршей власти». Поэтому Бибииков торжественно возвратил заявления от провинций²⁵.

Именно Г. Полетика стал выразителем всеобщего мнения украинской делегации, и в ответ на действия маршала писал Бибиикову:

«Возвращаемое мне вами мое мнение, предохраняющее права и привилегии Малороссийского Шляхетства и народа я принимаю. Но как вы сами именем сего почтенного собрания объявили, что таковые предохранения поелику касающиеся до правления и зависящие от Монаршей власти, не только в проекте прав благородных написаны, ниже приняты быть не могут; то я, почитая сие ваше объявление за непременимое и невозвращаемое, уповаю, что комиссия никогда и ни под каким видом не приступит к таким положениям, которья бы следовали хотя к малейшему прав и привилегий наших предосуждению, и что присутствие наше в комиссии и подаваемья, по каким бы то ни было делам, голоса, мнения, примечания и прочая представления и на последок самое *да* и *нет* (подчеркнуто Полетикой. – О.Ж., Т.Л.) непочтенны будут за согласие и добровольное наше к проекту новаго уложения приступление: а напротив того мы... сие почтенное собрание уверяем, и всегдашним будем иметь свидетелем, что мы остаемся и отступить не можем от предписаний данных нам в наказах сограждан наших»²⁶.

Неготовность депутатов согласиться с позицией правительства объясняется, возможно, как представлениями о самобытности и обособленности отечества, так и пониманием, что в Комиссию они «созваны не

²⁵ Сборник РИО. 1869. Т. 4: XXIV–XXV.

²⁶ ИР НБУВ. Ф. VIII. № 2439. Л. 1–1 об.

только для того, чтобы выслушивать их нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участие в составлении проекта нового уложения». В. Сергиевич отмечал это как характерную черту украинских «наказов» и «речей»²⁷. Большое внимание «наказов» и депутатов к общественным, а не узко сословным проблемам исследователи объясняли тем, что в тот период «культурный уровень населения... в малороссийских губерниях был вообще значительно выше»²⁸, что заставляет задуматься над современными утверждениями о переориентации элиты Гетманщины на российские очаги просвещения. Тот же Г. Полетика, прекрасно осведомленный об уровне образования в России, для своих сыновей избрал Виленский университет и, кстати, предпочел получить для всего семейства виттенбергское дворянство. Так поступали и многие другие малороссы. Это подтверждает и Д.В. Руднев: «...влияние выходцев с Украины на русскую культуру не ограничивалось первой половиной XVIII века и активно продолжалось во второй половине века»²⁹.

Несмотря на имеющиеся сословные противоречия, некоторые расхождения идейных позиций, делегация Гетманщины сумела выработать собственную «программу» в виде «Прошения Малороссийских депутатов во время составления Уложения», которую по поручению 20-ти «депутатов полков и городов» Екатерине II вручили Г.А. Полетика, Н.Н. Мотонис, В.А. Дунин-Борковский, В.Т. Золотницкий, П.И. Рымша³⁰. Таким образом, Левобережная Украина снова заявила себя не только как совокупность отдельных сословий и групп, а как отдельный край, как особенная, автономная часть Российской империи.

Как и «Прошение» 1764 г., данное представление находилось под сильным влиянием Г. Полетики. Сравнение «Прошения Малороссийских депутатов» с его известными бумагами периода Уложенной Комиссии, прежде всего с «Возражением», позволяет утверждать, что он снова был одним из авторов, а может и единственным оформителем общего мнения. В четвертом пункте возникает знакомая концепция истории Украины, в пятом, как и в «Возражении», перечислены, практически без изменения порядка, «пользы, которые от добровольного Малья России соединения Российской империи произошли», в седьмом пункте излагаются «общие нужды» и, в первую очередь, о «сохранении и целости всех прежних прав, привилегий, преимуществ, вольностей, свобод и обыкновений всех обще и каждого особливо, чина, а именно: шляхетства, духовенства, мещан, казаков и всего малороссийского народа». Просьбы о том, чтобы «гражданские и земские дела управляемы и судимы были по своим, воинские по своим, а мещанские по своим давним правам о обыкновениям особливими из тамошних шляхтичей, мещан, и казаков... выбранными людьми, и никогда бы одни дела с другими сме-

²⁷ Сергиевич 1878: 192.

²⁸ Бочкарев 1915. № 4: 95; № 5: 322.

²⁹ Руднев 2008: 63–64.

³⁰ ИР НБУВ. Ф. VIII. № 1745–1746. Л. 1–1 об.

шиваемы не были», о невмешательстве во внутренние дела – «наложением податей, поборов, высылка на работы», которые должны производиться с «общаго согласия шляхетства и всех чиновных людей на радах», а в важнейших делах с согласия «старшин, войска и всего посполитства» также были сформулированы в «Возражении» Полетики.

В «Прошении» звучит то же отрицательное отношение к гетманам и «учреждаемым на их места главным правительством», к рублевому окладу, Генеральной описи, ставшими причинами того, что «малороссийский народ в такой пришел страх и смущение, что многия тысячи онаго безвестно разбежались, и от времени до времени побега умножаются, а другие изнуряются бедностью и нищетою». А заключение данной петиции полностью совпадает с последними фразами полетикинского «Возражения»: «Заставьте, всемилостивейшая Государыня, толь многочисленный народ за возобновление свое воздвигнуть вам монументы и жертвенники не на земле и воздухе, но в сердцах. Сколь славныя, сколь величественныя, сколь долговременныя таковым здания!»³¹.

Итак, несмотря на отсутствие прямых результатов работы Уложенной Комиссии, она оказала важное влияние на последующую законодательную деятельность Екатерины II, а также на политику правительства по инкорпорации Левобережья в имперскую административно-политическую систему. Общеимперская программа, сталкиваясь во второй половине XVIII – первой половине XIX в. с консолидированной оппозицией элиты, вынуждена была искать по отношению к Малороссии компромиссные варианты.

В писаниях Г.А. Полетики и коллективных программах местных интеллектуалов 1760-х гг. формировался прижизненный образ Малороссии как отдельной нации. Выработанные идеи, находящие опору в правовых и исторических аргументах, заложили основы отношения к Гетманщине, которое будет органично воспринято следующим поколением детей в прямом и переносном смысле слова, уже в ту пору, когда военно-административные особенности их Отечества будут нивелированы. Об этом и пойдет речь во второй части статьи.

Архивные источники:

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. III, ф. VIII.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Авсеенок В. Малороссия в 1767 г. Эпизод из истории XVIII ст. По неизданным источникам. Киев, 1864. 152 с. [Avseenko V. Malorossiya v 1767 g. Epizod iz istorii XVIII st. Po neizdannym istochnikam. Kiev, 1864. 152 s.]
- Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года // Русская старина. 1915. № 4; № 5. [Bochkarev V. Kul'turnye zaprosy russkogo obshchestva nachala carstvovaniya Ekateriny II po materialam Zakonodatel'noj komissii 1767 goda // Russkaya starina. 1915. № 4; № 5]
- Василенко М.П. Г.Н. Теплов і його «Записка о беспорядках в Малороссии» // Записки Українського наукового Товариства в Київі. 1911. Кн. 2. С. 17–41. [Vasylenko M.P.

³¹ Прошение Малороссийских депутатов: 177–184.

- H.N. Teplov i yoho «Zapiska o neporyadkah v Malorossii» // Zapysky Ukrain's'koho naukovoho Tovarystva v Kyivі. 1911. Kn. 2. S. 17–41]
- Возражение депутата Григория Поетки // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Смесъ, С. 23–54. [Vozrazhenie deputata Grigoriya Poetiki // SCHOIDR. 1858. Kn. 3. Smes' . S. 23–54]
- Журба О.І. «Українські» національні проекти довгого XIX ст. в імперському просторі // Історія та історіографія в Європі. 2019. Вип. 6. С. 62–69. [Zhurba O.I. «Ukrainski» natsionalni proekty dovgho XIX st. v imperskomu prostori // Istoriia ta istoriografii v Yevropi. 2019. Vyr. 6. S. 62–69]
- Журба О.І. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. 2013. Вып. 8. С. 124–165. [Zhurba O.I. Regional'noe istoriopisanie vtoroi poloviny XVIII – pervoi poloviny XIX vv. v plenu «ukrainskogo nacional'nogo vozrozhdeniya» (problemy ukrainskoj istoricheskoi i istoriograficheskoi kul'tury) // Mir istorika. 2013. Vyr. 8. S. 124–165]
- Журба О.І. «Представьте Вы себе, какой зверь был гетман! Это были пренечивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2009. С. 161–220 [Zhurba O.I. «Predstav'te Vy sebe, kakoj zver' byl getman! Eto byli prenechis-tivye despoty!» (z lysta svidomoho ukrainskoho patriota, avtonomista ta tradytsionalista pochatku XIX stolittia) // Dnipropetrovs'kyi istoryko-arkheografichnyi zbirnyk. 2009. S. 161–220]
- Журба О.І. Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ. 2003. 316 с. [Zhurba O.I. Stanovlennia ukrains'koi arkheografii: liudy, idey, instytutsii. Dnipropetrovsk. 2003. 316 s.]
- Імперські ідентичності в українській історії XVIII – першої половини XIX ст. Львів. 2020. 304 с. [Imperski identychnosti v ukrains'kii istorii XVIII – pershoi polovyny XIX st. Lviv. 2020. 304 s.]
- Касьянов Г.В. Past Continuos: Исторична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди. Київ, 2018. 420 с. [Kasianov H.V. Past Continuos: Istorychna polityka 1980-kh – 2000-kh: Ukraina ta susydy. Kyiv, 2018. 420 s.]
- Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ. 1996. 317 с. [Kohut Z. Rosiiskiy tsentralizm i ukrainska avtonomiia. Likvidatsiia Hetmanshchyny 1760–1830. Kyiv. 1996. 317 s.]
- Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. 352 с. [Kohut Z. Korinnia identychnosti. Studii z rannomodernoї ta modernoi istorii Ukrainy. Kyiv, 2004. 352 c.]
- Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малороссе // «Понятия о России»: К семантике имперского периода. М., 2012. С. 392–443. [Kotenko A.L., Martynuk O.V., Miller A.I. Maloross // «Ponyatiya o Rossii»: K semantike imperskogo perioda. M., 2012. S. 392–443.]
- Круглова Т.А. Экономическая структура городских хозяйств Левобережной Украины в XVIII в. (по материалам Генеральной описи 1765–1769 гг.). М., 1989. 176 с. [Kruglova T.A. Ekonomicheskaya struktura gorodskih hozyajstv Levoberezhnoj Ukrainy v XVIII v. (po materialam General'noj opisi 1765–1769 gg.). M., 1989. 176 s.]
- Лазарев Я.А. Идеиное поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Поетки (1725–1784) на «украинскую государственность» // Slověne=Слов'яне. 2016. № 1. С. 184–202. [Lazarev Ya.A. Idejnoe pole «nacional'nogo» intellektuala imperskogo perioda: vzglyady G.A. Poetiki (1725–1784) na «ukrainskuyu gosudarstvennost'» // Slověne=Slov'яне. 2016. № 1. S. 184–202]
- Лазарев Я.А. Культурные механизмы интеграции украинской казачьей элиты в обще имперское дворянство // Quaestio Rossica. 2020. № 1. С. 270–282. [Lazarev Ya.A. Kul'turnye mekhanizmy integracii ukrainskoj kazackoj elity v obshche imperskoe dvoryanstvo // Quaestio Rossica. 2020. № 1. S. 270–282]
- Латкин В.Л. Законодательные комиссии в России. СПб., 1887. Т. 1. 607 с. [Latkin V.L. Zakonodatel'nye komissii v Rossii. SPb., 1887. T. 1. 607 s.]
- Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019. 648 с. [Litvinova T.F. «Pomeshchich'ya pravda»: dvoryanstvo Levoberezhnoj Ukrainy i krest'yanskij vopros v konce XVIII – pervoi polovine XIX veka. M., 2019. 648 s.]

- Литвинова Т.Ф. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII века // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. 2001. С. 28–64. [Litvinova T.F. Maloross v rossijskom kul'turno-istoriograficheskom prostranstve vtoroj poloviny XVIII veka // Dnipropetrovs'kij istoryko-arheografichnyj zbirnyk. 2001. S. 28–64]
- Литвинова Т.Ф. Г.А. Полетика: «публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2015. № 2(6). С. 79–86. [Litvinova T.F. G.A. Poletika: «publichnyj intellektual» vtoroj poloviny XVIII v. // Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki. 2015. № 2(6). S. 79–86]
- Максимович Г. Выборы и указы в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г. Нежин, 1917. Ч. 1. 254 с. [Maksimovich G. Vybery i nakazy v Malorossii v Zakonodatel'nyu Komissiyu 1767 g. Nezhin, 1917. Ch. 1. 254 s.]
- Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Сборник харьковского Историко-филологического общества. 1896. Т. 8. С. 6–233. [Miller D. Ocherki iz istorii i yuridicheskogo byta staroj Malorossii. Sudy zemskie, grodskie i podkomorskie v XVIII v. // Sbornik har'kovskogo Istoriko-filologicheskogo obshchestva. 1896. T. 8. S. 6–233]
- Плохий С.М. Козацький міф. Історія та націотворення в епоху імперій. Київ. 2013. 440 с. [Plokhii S.M. Kozatskyi mif. Istoriia ta natsiotovorennia v epokhu imperii. Kyiv. 2013. 440 s.]
- Полетика Г.А. Мнение о начитанном проекте правам благородных // Сборник РИО. СПб, 1882. Т. 36. С. 346–356. [Poletika G.A. Mnenie o nachitanom proekte pravam blagorodnyh // Sbornik RIO. SPb, 1882. T. 36. S. 346–356]
- Прошение Малороссийских депутатов во время составления Уложения // Наказы малороссийских депутатов 1767 года и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. Киев, 1890. С. 177–184. [Proshenie Malorossijskih deputatov vo vremja sostavleniya Ulozheniya // Nakazy malorossijskih deputatov 1767 goda i akty o vyborah deputatov v Komissiyu sochineniya Ulozheniya. Kiev, 1890. S. 177–184]
- Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году // Киевская старина. 1883. Июнь. С. 317–345. [Proshenie malorossijskogo shlyahetstva i starshiny, vmeste s getmanom, o vozstanovlenii raznyh starinnyh prav Malorossii, podannoe Ekaterina II v 1764 godu // Kievskaya starina. 1883. Iyun'. S. 317–345]
- Руднев Д.В. Г.А. Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760–1770-е гг. // Вторые Лупповские чтения. М. 2006. С. 42–72. [Rudnev D.V. G.A. Poletika i izdatel'skaya deyatel'nost' Morskogo kadetskogo korpusa v 1760–1770-e gg. // Vtorye Lupprovskie chteniya. M. 2006. S. 42–72]
- Руднев Д.В. Григорий Андреевич Полетика и книжная культура XVIII века // Литературная культура России XVIII века. СПб. 2008. Вып. 2. С. 53–64. [Rudnev D.V. Grigorij Andreevich Poletika i knizhnaya kul'tura XVIII veka // Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka. SPb. 2008. Vyp. 2. S. 53–64]
- Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1869. Т. 4; 1871; Т. 8; 1881. Т. 32; 1882. Т. 36. [Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva. SPb., 1869. T. 4; 1871; T. 8; 1881. T. 32; 1882. T. 36.]
- Сергиевич В. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. Январь. С. 188–264. [Sergievich V. Otkuda neudachi Ekaterininskoj zakonodatel'noj komissii? // Vestnik Evropy. 1878. Yanvar'. S. 188–264]
- Схід-Захід: історико-культурологічний збірник. 2001. Вип.4: Rossia et Britannia: імперії та нації на окраїнах Європи. 276 с. [Skhid-Zakhid: istoryko-kulturolohichnyi zbirnyk. 2001. Vyp.4: Rossia et Britannia: imperii ta natsii na okrainakh Yevropy. 276 s.]
- Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774. Одесса, 1915. 609 с. [Florovskij A.V. Sostav Zakonodatel'noj komissii 1767–1774. Odessa, 1915. 609 s.]
- Яковенко Н.М. Вибір імені versus вибір шляху: назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст. // Яковенко Н.М. Дзеркала ідентичностей. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. Київ. 2012. С. 9–43. [Yakovenko N.M. Vybir imeni versus vybir shliakhu: nazvy ukrainskoi terytorii mizh kintsem XVI – kintsem XVII st. // Yakovenko N.M. Dzerkala identychnosti. Doslidzhennia z istorii uavlenn ta idei v Ukraini XVI – pochatku XVIII st. Kyiv. 2012/ С. 9–43.]

- Яковенко Н.М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ. 2002. 416 с. [Yakovenko N.M. Paralelnyi svit. Doslidzhennia z istorii uiaavlenn ta ideii v Ukraini XVI–XVII st. Kyiv. 2002. 416 s.]
- Яковенко Н.М. У пошуках нового неба. Життя і тексти Йоанікія Галятовського. Київ. 2017. 704 с. [Yakovenko N.M. U poshukakh novoho neba. Zhyttia i teksty Yoankyiiia Halitovskoho. Kyiv. 2017. 704 s.]
- Melnik A., Tairova-Yakovleva T. Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire // Kyiv-Mohyla Humanities Journal. 2019. № 6. P. 115–126.

Литвинова Татяна Федорівна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Украины, Днепровский национальный университет им. Олеса Гончара (Украина); litvinova.tf@i.ua

Журба Олег Иванович, доктор исторических наук, профессор, Днепровский национальный университет им. Олеса Гончара (Украина), зав. кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения; zhurba.oi@i.ua

Hetmanate in the views of the Ukrainian intellectual elite the second half of the XVIII – the middle of the XIX c. Part 1

The focus of the article is on the evolution of the ideas of the intellectual elite of the Left Bank Ukraine about the peculiarities of the status, the socio-political structure of their homeland, this specific region of the Russian Empire, about the role of various social groups, primarily the Cossacks and the gentry, in its history and transformations at the turn of the XVIII–XIX cc. The personalities in this study – G. and V. Poletik, A. Chepa, S. Kochubei, G. Galagan and others, reflected not only their own views on the past, present and future of the region, but were also authoritative exponents of the sentiments of a significant part of the local social elite. The chronological scattering of their statements makes it possible to trace changes in views on the place of the region in the system of the empire - from the preservation of the autonomous Hetmanate modernized in the spirit of the times to its full political and legal integration, to the role of hetmans and the Cossack system in the life of Little Russian society, as well as to possible mechanisms of adaptation to new socio-cultural realities.

Keywords: Left-bank Ukraine, Little Russia, Hetmanate, Russian Empire, Ukrainian national revival, identity

Tatyana Litvinova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of History of Ukraine, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine); litvinova.tf@i.ua

Oleg Zhurba, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Historiography, Source Studies and Archival Studies, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine); zhurba.oi@i.ua